

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско - нѣмецкой войны ¹⁾).

1—2 октября. Командующій Балтійскимъ флотомъ адмиралъ Канинъ освобожденъ по нездоровью отъ командованія Балтійскимъ флотомъ, съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а на его мѣсто назначенъ вице-адмиралъ Непенинъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ указаны заслуги родивъ адмирала Канина ²⁾).

* * *

Наконецъ - таки союзная дипломатія заговорила настоящимъ языкомъ съ германскимъ фельдмаршаломъ. Греціи предъявили ультиматумъ: экипажи греческаго флота покинули свои суда и союзники заняли очищенные греками форты и суда.

Давно бы пора это сдѣлать.

* * *

Нѣмцы, профессора богословскаго факультета Юрьевскаго университета, во главѣ съ деканомъ, вышли въ отставку, въ виду требованія читать лекціи на русскомъ языкѣ.

* * *

Группой московскихъ гласныхъ, съ Н. В. Тесленко во главѣ, подано въ Московскую городскую думу заявленіе о томъ, что, не взирая на всѣ усилія, общество 1886 года до сихъ поръ еще не ликвидировано.

Недавно общество 1886 года приступило къ рѣшительному и непомерному повышенію цѣнъ на электрическую энергію,

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1917 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 1 окт. 1916 г.

доводимую въ отдѣльныхъ случаяхъ до 100 и даже до 150%. Это повышеніе цѣнъ должно служить обогащенію нѣмецкихъ акціонеровъ германскаго треста за счетъ жителей Москвы, которые и безъ того несутъ большія жертвы въ связи съ войной, начатой противъ насъ Германіей—родиной общества 1886 года и „Электропередачи“. Кроме того, представитель московскаго городского управленія въ особомъ управленіи, образованномъ по дѣламъ общества 1886 года, встрѣчаетъ къ себѣ отношеніе, не соотвѣтствующее достоинству Москвы и городского управленія¹⁾.

Предсѣдателемъ управленія по дѣламъ общества состоитъ военный инженеръ, генералъ Свенторжецкій.

* * *

Съ нѣмецкими плѣнными у насъ въ Россіи обращаются необычайно гуманно и кормятъ ихъ прекрасно.

Лично мнѣ пришлось осмотрѣть помѣщенія для военноплѣнныхъ и попробовать ихъ пищу. Помѣщеніе было сухое и хорошее. Всѣ военноплѣнные были очень чисты, съ чистымъ бѣльемъ; былъ грязень только кузнецъ, вернувшійся съ работы. Плѣнные были хорошо откормлены, а нѣкоторые изъ нихъ были до того упитаны, что щеки, казалось, скоро должны были лопнуть отъ жиру.

Пришлось попробовать хорошій картофельный супъ и вкусную пшеничную кашу, при $\frac{1}{4}$ ф. мяса и $2\frac{1}{2}$ ф. хлѣба на каждого. Кашеваромъ былъ плѣнный, при помѣщеніи была лавочка съ продажей обихода солдата; цѣны недорогія.

При встрѣчѣ по пути одного изъ унтеръ-офицеровъ, присматривающихъ за плѣнными, я спросилъ, какъ обращаются съ плѣнными; я получилъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

„О томъ, чтобы дать ему въ морду, и думать не могли.—Даже и грозить-то ему ничѣмъ не дозволено“.

Въ Сибири на предложеніе использовать для плѣнныхъ внутренности убитыхъ быковъ, въ виду трудности достать мяса, держащіе по завѣдыванію германскими плѣнными отвѣтили положительнымъ отказомъ.

Для сравненія приводимъ рассказъ нашего офицера Ф. Ф., приведенный въ № 1616 „Вечерняго Времени“ 1916 г.

Трудно представить, какъ страшно бѣдствуютъ наши плѣнные солдаты. Это буквально какія-то голодныя бродячія тѣни. По словамъ Ф. Ф., пища для нихъ ужасающая. Напримѣръ, хлѣбъ состоитъ изъ смѣси кукурузы, картофеля, желудей, конскихъ

¹⁾ „Рус. Сл.“ 27 окт. 1916 г.

каштановъ, бобовъ, а для пышности и рыхлости, подбавляется тертая солома, и лишь изрѣдка отруби. Муки—въ немъ ни капли.

Изъ-за этой вѣчной голодухи между ними—массовыя смерти на почвѣ истощенія. Мрутъ, какъ мухи. Больно смотрѣть, особенно, когда ничѣмъ не можешь помочь. Обращеніе съ ними страшно грубое. Самое обыкновенное наказаніе—это сковываніе на 24 часа руки съ щиколкою. Это ужасно мучительная вещь. Затѣмъ идетъ подвѣшиваніе: свавывають ноги, этимъ же канатомъ стягивають сзади руки, послѣ чего канатъ перекидываютъ черезъ блокъ въ потолокъ и тогда подтягивають на часъ или два. Наказаніе кончается обыкновенно глубокимъ обморокомъ. Затѣмъ существуетъ утонченная инквизиція, долженъ оговориться, это только въ лагеряхъ, гдѣ коменданты съ исключительно звѣрскими инстинктами. Какъ говорятъ, отличаются этимъ преимущественно офицеры изъ чеховъ, что и звучитъ какъ-то особенно непонятно и странно.

Провинившагося кладутъ въ тѣсный гробъ, дно котораго состоитъ изъ поперечныхъ острыхъ брусковъ, и крышку плотно привинчивають, проворачивая въ ней дыру противъ головы для того, чтобы наказываемый не задохся. Тѣ плѣнные, которые видѣли это, говорятъ, что на религіознаго человѣка наказаніе это производитъ ужасное впечатлѣніе. Не мудрено, если иногда такіе положенные живьемъ въ гробъ выходили оттуда психически разстроенные.

* * *

3 октября. Упорные бои въ районѣ Корытицы и Кирлибабы. Къ югу отъ Дорна Ватры противникъ атакуетъ большими силами.

Итальянцы одерживають значительные успѣхи на пути къ Триесту.

* * *

Нейтральный журналистъ, находящійся при штабѣ принца Леопольда Баварскаго, приводитъ отзывы нѣмецкихъ военныхъ авторитетовъ, о русскомъ солдатѣ.

Они говорили, что мы имѣемъ дѣло съ противникомъ необыкновенной храбрости, изумительной выдержки и безпримѣрной преданности дѣлу.—„Русскій солдатъ въ цѣломъ—идеаль война“.—Онъ идетъ въ атаку такъ же великолѣпно, какъ и защищается.

Кромѣ того, германцы не могли не отмѣтить выдающихся качествъ русской артиллеріи и ростъ нашего воздушнаго флота. Впрочемъ всѣ виды родовъ войскъ, по словамъ нѣмцевъ, представлены въ русской арміи въ настоящій моментъ въ изобиліи.

* * *

29 сентября подводная лодка „Тюлень“, подѣ командой старшаго лейтенанта Китицына, вблизи Босфора, послѣ часового неравнаго для нея артиллерійскаго боя съ турецкимъ вооруженнымъ военнымъ транспортомъ „Родосто“ въ 6.000 тоннъ водоизмѣщенія, бывшимъ подѣ командой германскихъ офицеровъ, захватила этотъ транспортъ и, несмотря на причиненныя ему въ бою поврежденія, привела его въ Севастополь.

* * *

Въ г. Никополѣ (Екат. у.) проживаетъ нѣмецъ, миллионеръ Шоръ, имѣющій въ городкѣ первоклассную мельницу. Онъ скупаетъ во всей округѣ пшеницу и рожь. Но не въ скупкѣ крестьянскаго зерна таинственность гера Шора, а въ слѣдующемъ: какъ передаютъ сосѣдніе съ нимъ крестьяне, „на деревнѣ“ получилось изъ плѣна письмо, въ которомъ плѣнный солдатъ-односелець умоляетъ своихъ односельчанъ упробить гера Шора, дабы онъ написалъ въ Германію, чтобы военные германскіе чины возвратили злополучному плѣннику отобранныя у него одежду и обувь, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ останется на зиму и безъ одежды и безъ обуви. Аналогичное, затѣмъ, письмо получилось, какъ передаютъ въ томъ же районѣ, и отъ одного интеллигентнаго плѣнника. Возникаетъ вопросъ: кто же такое этотъ таинственный геръ Шоръ, слово котораго имѣетъ такое громадное значеніе въ германскомъ военномъ лагерѣ? Казалось бы, что можетъ имѣть общаго мирный никопольскій скупщикъ съ воинственнымъ германскимъ кайзеромъ? Но если между ними существуетъ какая-нибудь связь, то не направляютъ ли всѣ наши подозрительныя операціи съ продовольственными продуктами какою-то сильною рукою изъ Германіи¹⁾.

* * *

Корреспондентъ „Русскаго Слова“²⁾ рассказываетъ, что дѣлаетъ въ Москвѣ изъ саножныхъ обносковъ дѣйствующая армія:

О, да, потрясающія повѣсти могли бы рассказать о нашей арміи эти сотни тысячъ обносковъ...

¹⁾ „Нов. Вр.“ 30 сент. 1916 г.

²⁾ „Русск. Сл.“ 29 сент. 1916 г.

Но лучше всякихъ сожалѣній и вздоховъ та существенная энергія, которая сумѣла для пользы арміи воскресить къ новой жизни эти сапожные отбросы.

Сотни тысячъ обносковъ въ громадномъ подвалѣ, сотни тысячъ въ ящикахъ, которые грудями навалены на дворѣ.

— Раньше слали съ фронта обноски розсыпью, а теперь начали присылать въ ящикахъ,—объясняетъ завѣдующій.

Это значить, что пренебреженіе къ обноскамъ смѣняется нѣкоторымъ вниманіемъ.

Изъ подвала вереницей выѣзжаютъ тачки съ рваными сапогами, направляясь черезъ дворъ въ большой досчатый баракъ.

Мы входимъ за тачками. Здѣсь, въ баракъ, первая обработка изношенной обуви.

Особые мастера быстро и ловки хватаютъ сапоги, зорко осматриваютъ, слегка раздираютъ голенища, пробуя, не сопрѣла ли кожа, и разбрасываютъ по сортамъ. Одни годны въ починку, въ другихъ годны лишь голенища, третьи совсѣмъ негодны. Но всѣ безъ исключенія идутъ въ обработку.

Годные сапоги развѣшены и разложены въ порядкѣ. Первая забота cadaго сапога найти себѣ близнеца, чтобы составить пару.

— И вотъ видите, — показываетъ мастеръ подобранную пару, — вотъ видите, приблизительно одинаковые. А одинъ изъ нихъ воевалъ подъ нѣмцемъ, а другой можетъ-быть подъ австріякомъ, въ Галиціи. Ничего не подѣлаешь, — разрозненные прибываютъ.

Дальше на столахъ идетъ разборка обуви. Отрѣзаютъ годныя голенища и сейчасъ же клеймятъ ихъ (М. Г. У.—московское городское управленіе). Эти голенища рассылаются затѣмъ по многочисленнымъ сапожнымъ мастерскимъ отдѣла, и къ нимъ придѣлываются головки.

Рваные опорки и прѣлые сапоги отбрасываются, но не выбрасываются.

— Опорки пересылаемъ во Владыкино, — сообщаетъ, улыбаясь, руководитель, — и вотъ увидите, какія тамъ изъ нихъ чудеса дѣлаютъ. Уже 700 тысячъ штукъ туда переслаано.

Мимоходомъ на пути, на Разгуллѣ, заглянули мы въ одно помещеніе. Въ верху лѣстницы черный медвѣдь, поднявъ лапу, глядѣлъ на насъ непривѣтливо.

— Здѣсь былъ ресторанъ „Римъ“ — объяснилъ спутникъ.

А теперь шелъ здѣсь рабочій гулъ.

Въ одной изъ большихъ комнатъ, за длинными верстаками сидѣли тѣсными рядами мастера, и непрерывной дробью стучали

молотки, звякали ножи, мелькала дратва. Въ другихъ комнатахъ шла закройка. Еще дальше—жужжали машины, около которыхъ сидѣли, согнувшись, женщины. И вездѣ густо пахло кожей, клеемъ, дегтемъ, варомъ.

Здѣсь на старыя голенища, вымытыя въ чанахъ, вычищенные и смазанныя дегтемъ съ ворванью, налѣзывались новыя головки.

Такихъ мастерскихъ у отдѣла много разсыпано по Москвѣ и много внѣ Москвы, въ окрестностяхъ и по другимъ губерніямъ.

Мелькнула Москва, Бутырская застава, побѣжало шоссе среди зелени полей и лѣсовъ, и вотъ мы во Владыкинѣ.

Идемъ черезъ длинный дворъ. Вдали рядъ деревянныхъ бараконъ, вѣтка желѣзной дороги и какія-то черныя кучи огромной величины.

— Какъ уголь насыпанъ!—замѣчаетъ нашъ вожатый.

Проходимъ и видимъ черную гору опорковъ.

— Недавно прибыли 180 тысячъ штукъ. — сообщаетъ заведующій.

Опять мы смотримъ на зеленые, рыжіе, рваные, размызганные обноски, которые здѣсь, лишенные голенищъ, еще жалостнѣе на видъ. Есть, впрочемъ, и съ голенищами. Это тѣ соирѣлые обноски, которые признаны въ симоновскомъ складѣ совершенно непригодными.

Передъ бараками сидятъ женщины и, отрѣзая негодныя голенища отъ негодныхъ опорковъ, разбрасываютъ ихъ по разнымъ корзинамъ.

Входимъ въ баракъ. Гулъ, говоръ, стукъ молотковъ, лязганье ножей.

Въ перегородкахъ сидятъ ратники въ защитнаго цвѣта рубашкахъ съ крестами на фуражкахъ, и одни отколачиваютъ молотками каблукъ отъ опорковъ, бросая ихъ въ корзины, другіе отдираютъ клещами подошвы, третьи, четвертые, пятые раздираютъ, разрѣзаютъ опорки на составныя части, и въ корзины летятъ по сортамъ стельки, подошвы, подметки, переда, каблукъ, закладки, задники. Обноски и опорки какъ бы рассыпаются въ прахъ, въ негодный мусоръ, чтобы вдругъ снова пойти въ дѣло и неожиданно превратиться въ новые сапоги.

Мы идемъ въ конецъ барака и видимъ чаны, гдѣ моются негодныя голенища, мягкія и жесткія части опорковъ. Затѣмъ отчищаютъ ихъ отъ грязи. Затѣмъ даютъ провянуть. Затѣмъ спеціалисты начинаютъ выкраивать изъ негодныхъ голенищъ пласты для подошвы, для подметокъ и для головокъ.

Мы смотримъ на сапожное чудо,—какъ изъ старыхъ лоскутовъ, просмоленныхъ смолой и варомъ и наложенныхъ одинъ на другой, получается толстая подошва.

И мастеръ съ увлеченіемъ говорить:

— Подошва поднялась въ цѣнѣ почти въ восемь разъ: была 60—70 рублей пудъ, а теперь—350—400 рублей. А вотъ у насъ получается изъ ничего подошва не хуже.

Намъ подносятся готовые сапоги, сдѣланные „изъ ничего“, изъ отбросовъ и обносковъ.

Крѣпкіе, солидные сапоги съ богатырскими, толстыми подметками, испещренными, какъ мозаикой, мелкими гвоздями.

— Иносятся восхитительно,—съ убѣжденіемъ говорить одинъ изъ мастеровъ,—производили опыты. Не уступать новымъ. А подметка наша удобнѣе новой для солдата. Она мягкая и гибкая, какъ пробка, и совершенно не пропускаетъ воды. Смола. И старая кожа вообще болѣе непроницаема для воды.

Мы идемъ въ мастерскую, гдѣ за верстаками, сидя на своихъ обычныхъ кадушкахъ („липкахъ“), десятки мастеровъ стучали молотками и звякали ножами, превращая очищенные, промытые, просмоленные части опорковъ въ новые сапоги.

Главные мастера надѣлывали головки къ старымъ голенищамъ, дѣлали начерно подошвы и подметки, а ихъ помощники доканчивали второстепенную работу. Рядъ бородачей, пожилыхъ ратниковъ, дѣлалъ, напримѣръ, только „мозаику“, т.-е. вбивалъ въ пять слоевъ подметки частую сѣть гвоздей, сбивая подметку въ толстую, плотную, слитную массу.

И по стѣнамъ висѣли готовые сапоги съ крупными латками, просмоленными голенищами, свѣжими головками и толстыми подошвами.

Одинъ изъ мастеровъ съ той особенной ловкостью, быстротой и точностью движеній, которыя бываютъ у всякаго талантливаго мастера, когда посторонніе смотрятъ на его работу, на нашихъ глазахъ, забирая горстями гвозди въ ротъ и молниеносно работая молоткомъ, сдѣлалъ союзку сапога и прибилъ къ нему толстую подметку.

Въ это время зазвенѣлъ звонокъ къ обѣду, и ратники-мастера шумно поднялись со своихъ „липокъ“, надѣли куртки и направилась толпой въ столовую.

Въ кладовой мы полюбовались на внушительныя пары сапогъ съ увѣсистыми подошвами, которыя густо увѣшивали стѣны и лежали стопами на полу. Тысячи паръ такихъ воскрешенныхъ сапогъ направляются теперь въ армію.

И когда мы, пройдя черезъ бараки, снова увидѣли громадную черно-зеленую кучу опорковъ передъ вѣткой желѣзной дороги, эта картина показалась намъ уже менѣе безотраднѣй. Находчивость и выдумка вездѣ умѣютъ скрашивать и улучшать жизнь. И чудесное превращеніе негодныхъ опорковъ въ годные сапоги, кажется, слѣдуетъ поставить отдѣлу снабженія въ особую заслугу.

Дальше по Владыкинѣ проѣхали мы до великолѣпной и обширной сапожной мастерской, которая превратилась въ цѣлую фабрику.

Корпуса какой-то сгорѣвшей и покинутой мануфактуры приспособлены здѣсь для громаднаго сапожнаго дѣла.

И для этого мирнаго труда примѣняютъ трудъ военнопленныхъ.

Мы прошли черезъ нѣсколько этажей двухъ-трехъ корпусовъ.

За длинными верстаками, усыпанными гвоздями, молотками, ножами, склонялись нерусскія лица, и непрерывная дробь молотковъ наполняла обширное помѣщеніе.

— Обратите вниманіе на ритмъ работы, — сказалъ нашъ вожатый, — онъ оживленнѣе, быстрѣе, чѣмъ у нашихъ мастеровъ.

Общая картина, пожалуй, была оживленнѣе. Какъ рычаги въ машинѣ, безъ паузъ, почти равномерно опускались и поднимались десятки рукъ, и глаза мастеровъ сосредоточенно не отрывались отъ работы.

Около каждаго верстака сидѣла артель, и наблюдалось оригинальное распределеніе работы: крайній съ одного конца начиналъ сапогъ, передавалъ другому, тотъ, сдѣлавъ свою часть, передавалъ третьему, и на другомъ концѣ выходилъ цѣльный сапогъ.

Такъ какъ артель получала сдѣльную плату за каждую пару сапогъ, то, кромѣ навыка къ правильной работѣ, привезеннаго съ Запада, артель, видимо, руководилась и расчетомъ. Поэтому всякій лѣнивый работникъ получалъ подбадриванье въ самой артели.

— Работоспособность у нихъ, — говорилъ завѣдующій этой своеобразной фабрикой, — несомнѣнно, выше, чѣмъ въ нашихъ мастерскихъ. Обычно считается, что въ недѣлю каждый русскій мастеръ можетъ приготовить около пяти паръ сапогъ. У насъ сейчасъ вырабатывается около шести паръ. А вскорѣ мы надѣемся дойти до семи паръ.

Для пользы дѣла пришлось приспособиться къ нѣкоторымъ особенностямъ плѣнныхъ работниковъ.

Напримѣръ, они не могли ѣсть русскихъ щей, и это отражалось на ихъ настроеніи и трудоспособности.

Отъ супа и каши они повеселѣли и утѣшились.

На этой сапожной фабрикѣ изъ стараго матеріала идутъ въ дѣло только крѣпкія голенища.

Головки и подметки дѣлаются изъ новаго товара.

Мы прошли по всѣмъ отдѣленіямъ, гдѣ стругается, вычищается, смазывается разныхъ сортовъ кожа. Все идетъ стройно и великолѣпно. И не безъ права одинъ изъ главныхъ мастеровъ, постучавъ по новой, глянцевиной, твердой и толстой подошвѣ крѣпко ушитаго сапога, увѣренно сказалъ:

— Ужъ отъ насъ, по крайней мѣрѣ, не выйдутъ сапоги съ картонными подошвами.

* * *

4 октября. Нѣмцы ведутъ наступленіе въ районѣ Дорна-Ватры значительными силами въ тылъ нашего соприкосновенія съ трансильванской румынской арміей, а также и по всему этому румынскому фронту. Всѣ атаки противника въ районѣ Дорны-Ватры отбиты.

* * *

5 октября. Нѣмцы хотѣли, сосредоточить большую армію въ Трансильваніи, раздѣлить румынскую армію на двѣ части и отдѣлить румынскія войска отъ русскихъ.

* * *

Со всѣхъ фронтовъ пишутъ одно и то же: почта это единственное наше развлеченіе, единственная отрада.

* * *

Притокъ вкладовъ въ сберегательныя кассы за текущій годъ возросъ на 1.009.200 рублей.

* * *

Проф. Мигулинъ усганавливаетъ, что по росписи 1917 г., обыкновенные и чрезвычайные государственные расходы (кроме военныхъ) съ избыткомъ могутъ быть покрыты въ 1917 г. обыкновенными доходами, и нужно изыскать ресурсы для оплаты всѣхъ военныхъ займовъ, при этомъ профессоръ полагаетъ, что этими ресурсами являются государственныя монополіи, и что пора это разработать и ввести въ жизнь ¹⁾.

* * *

¹⁾ „Нов. Вр.“ 5 окт. 1916 г.

Въ Америкѣ профессиональное образованіе стоитъ на высокой степени развитія. Тамъ существуетъ энергично дѣйствующій комитетъ, который разыскиваетъ молодежь, обладающую исключительными способностями и не окончившую курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Пора бы и намъ послѣдовать этому примѣру.

* * *

Въ № 1350 „Развѣдчика“ кн. 3. Голицына такъ описываетъ производство операций.

На сосѣднемъ столѣ больной, безъ сознанія, изрѣдка мычитъ что-то, и руки съ длинными пальцами ищутъ въ воздухѣ, скребутъ по груди. Самъ большой, здоровенный.

Старшій врачъ меня подзываетъ.

— Посмотрите. Осколкомъ ранило. За такой короткій срокъ— и вотъ что...—Черепъ уже сбрили и на немъ съ лѣвой стороны продольная рана. Мозгъ обнаженъ, ровно пульсируетъ, на полудушку стекла струйка розоватой жидкости.

— Да, присмотритесь. Такъ и прыгаютъ.

Дѣйствительно, кругомъ раны и въ ней отъ іода появились маленькіе бѣлые черви...

— Боже, отчего это?...

— Ночью раненъ. Вѣроятно, лежалъ на землѣ, но сразу нашли...

— Его оставить?—спрашиваетъ фельдшеръ.

— Эвакуировать — говоритъ Николай Дмитриевичъ и коротко выдыхаетъ.

Онъ болѣетъ душой, какъ и всѣ тутъ, положимъ, но онъ особенно, потому, что онъ старшій, онъ тотъ, кто можетъ спасти, болѣетъ за всѣхъ своихъ раненыхъ, какъ за родныхъ дѣтей, до послѣдней возможности напрягаетъ свои знанія, всѣ усилія, и ужъ если онъ махнулъ рукой, то, значить, человѣческія силы уже болѣе не дѣйствительны. И брови его сдвигаются; голосъ звучитъ глухо. Много, много прошло за эти полтора года черезъ его руки, а человѣческое чувство состраданія и жалости все такъ-же сильно. Онъ всегда спокоенъ, угрюмъ даже, напрасно словъ не любитъ тратить, сразу діагноза не ставитъ.

— Николай Дмитриевичъ, посмотрите больного?

Подойдетъ, внимательно оглядитъ кругомъ, спроситъ когда, какъ было, нащупаетъ, увѣрится, потомъ молчитъ и думаетъ. Видно, что сложная сѣть соображеній, доводовъ плюсовъ и минутовъ проходитъ въ головѣ, пока не рѣшитъ твердо и спокойно: дѣлать то-то—и тогда можно быть увѣреннымъ, что дѣйствительно нужно было такъ, а не иначе. Закурить папи-

росу—умственная работа кончена, борьба знанія съ болѣзнію пришла для него къ одному знаменателю, и надо начать ея физическое исполненіе. Любо дорого смотрѣть, когда они оба — докторъ Мошковъ и сестра Красовская — работаютъ вмѣстѣ: точно спѣлись давно, давно понимаютъ другъ друга, и не нужно имъ объясненій: ни одного лишняго жеста, ни одного празднаго слова, — короткія фразы и моментальное исполненіе, предугадываніе желаній.

— Шпаны... шарики... желобовидный зондъ... пилу...—слышно отрывисто во время операциі, и внимательные живые глаза сестры будто ловятъ въ воздухѣ еще только зародившееся требованіе.

Идетъ операциа. Принесли запаснаго, съ окладистой русой бородой, здоровеннаго мужчину, отъ котораго, кажется, такъ и тянетъ хатой бѣлой и уютной, черной вспаханной землей и здоровымъ полевымъ кандеромъ. Во время боя въ околоткѣ наскоро перевязанная рука безпомощно виситъ, и онъ ее поддерживаетъ другой здоровой; повязка вся промокла алой свѣжей кровью, даже поблѣднѣлъ въ лицѣ.

— Что у тебя?

— Руку оторвало.

— Чѣмъ?

— Бомбой.

Разбитовали. Живое сочное мясо разворочено чуть пониже плеча, изъ вены такъ и хлещетъ алой кровью, повисли жилы синія, напряженныя, протянулись нервы, бѣлая кость раздроблена въ мельчайшіе кусочки.

— Вотъ что, братецъ, придется тебѣ руку отнять—говоритъ Николай Дмитріевичъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, я и самъ такъ думалъ, потому она уже негодная совсѣмъ и болитъ очень.

— Какъ же это тебя?

— Шли въ атаку, уже шаговъ на двадцать подступили, я чуть впереди, потому взводный, а онъ какъ броситъ бомбой, она возлѣ меня и разорвалась. Зашатался, деревцо было, удержался за него, самъ кричу: бей, братцы, нѣмца—смерть! Рота прошла впередъ, а я руку подхватилъ и побѣгъ на перевязку.

Уложили на столъ, сняли рубашку, на лицо одѣли маску, фельдшерница капала хлороформъ, спросила имя... Николай Заваленко... велѣла считать, пока можетъ. Разъ... два, три, четыре, пять... слышался ровный голосъ. Дошелъ до сорока пяти, запу-

тался, началъ сначала, помолчалъ немного, вздохнулъ—и крѣпко заснулъ.

— Готово?

— Да, уже.

— Быстро какъ!

— Усталъ, бѣдный, и видно, вина не любилъ, тѣ трудно, долго не засыпають, иногда буйствуютъ даже.

Одинъ нашъ землячокъ пѣлъ во снѣ залихватскія пѣсни и смѣялся, остальные всѣ больше молчатъ и терпятъ, таковы уже проявленія натуры у этихъ скромныхъ, сѣрыхъ и великихъ своей внутренней силой людей.

Тихо спалъ Заваленко. Иногда его звали:— Николай, слышишь?—и онъ отвѣчалъ—такъ точно.

Николай Дмитріевичъ работалъ: ланцетъ впивался въ живое мясо, туго перевязанныя вены перестали хлестать алымъ содержимымъ, порозовѣвшія ниточки шелка уже соединили разорванное мясо и пила сдѣлала свое дѣло, проскрипѣвъ по кости... Странно было видѣть бѣлую, мѣстами забрызганную кровью, съ повисшими безпомощно пальцами руку Заваленко, оставшуюся въ объятыхъ санитаровъ... Это была лишь одна минута, потомъ ее унесли. Вскорѣ вмѣсто развороченнаго плеча Николай Дмитріевичъ сдѣлалъ небольшую аккуратную рану.

— Довольно, я кончаю уже.

Маску сняли. Подняли вѣки. Глаза ясные, остановившіеся смотрѣли вверхъ безцѣльно. Еще нѣсколько увѣренныхъ движеній—и плечо оказалось забинтованнымъ. Больного подняли. Онъ обвелъ глазами кругомъ себя. Сильно и сладко до тошноты пахло хлороформомъ, лежали окровавленные инструменты въ сторонѣ, внизу тазъ полный красной ватой, бинтами и какими-то кусочками, окровавленный халатъ врача... Яркое, до боли, свѣтитъ въ глаза лампа и вдаль что-то бухаетъ... Понялъ, закрылъ глаза, зашатался.

— Ну, ничего, теперь уже все прошло...

Николай Дмитріевичъ облегченно вздохнулъ, пошелъ мыть руки.

Заваленко понесли въ палатку. Позднѣй подходили къ нему, спрашивала, какъ себя чувствуетъ.

— Печетъ сильно... Слава Богу, что лѣвой пришлось такъ, а не правой, она кой-что работать можетъ еще...

А въ перевязочной уже новые одинъ за другимъ, идутъ сами, кто можетъ, несутъ на носилкахъ, тащутъ на спинѣ санитары.

Маленькій рыбой человекъ охаетъ, отвернувшись отъ своей развороченной разрывной пулей руки. Входное отверстіе небольшое на ладони, а сверху разбиты три пальца, выпятились бѣлыя кости.

— Проклятый австріецъ, разрывной что надѣлалъ... Ой, печеть!..

Потомъ вдругъ умолкъ, поблѣднѣлъ, такъ что веснушки ясныя выступили на лицѣ и весь какъ-то осунулся, легъ на скамейку. Обморокъ, слабенькій бѣдный...

Молодой полякъ. Тонкія, рѣзкія черты лица, черные глаза. За сутки на ногѣ газовая гангрена. Въ ранѣ осколки, переломъ кости, куски одежды и, вѣроятно, попала земля. Издаетъ сильный запахъ и мясо не красное, а сѣро-синее.

— Послушай, братецъ, у тебя нога въ очень скверномъ состояніи и необходимо ее отнять. Ты довѣряешься мнѣ и позволяешь это сдѣлать?

— Не, не моги, не вытерплю...

— Да ты и чувствовать не будешь; мы тебѣ дадимъ сонныхъ капель, ты знать ничего не будешь... Необходимо это сдѣлать потому, что у тебя начинается зараженіе крови, ты умрешь тогда. Повѣрь, что мнѣ лучше было бы сохранить тебѣ ногу, но нельзя, никакъ нельзя, хуже будетъ...

— Не, не хочу, не моги...

Уговаривали долго и старшій врачъ, и молодой, недавно пріѣхавшій, тоже полякъ, увѣщевалъ его на родномъ языкѣ, и батюшка и сестры—ничто не помогло... Не соглашается.

Николай Дмитриевичъ волновался, чувствовалъ, что человекъ самъ себя губить изъ упрямства или по собственной волѣ... Просиль его даже.

Другіе раненые ждали своей очереди, а молодой полякъ только моталъ отрицательно головой, и взглядъ черныхъ блестящихъ глазъ становился все рѣзче, брови на тонкомъ желтомъ лицѣ сдвигались. Перевязала и рѣшили оставить пока... Черезъ два дня еще перевязали. Запахъ шелъ такой, что при открытыхъ окнахъ перевязочной невозможно было дышать. Мясо посѣрѣло, вверхъ по бедру и боку пошли частыя черныя пятна... Гангрена... Когда его принесли въ палатку, онъ подозвалъ сестру.

— Сестра... Видишь, хорошо, что ногу не отрѣзали... Теперь лучше, не болитъ уже—и какой-то острый, злорадный огонекъ былъ въ черныхъ глазахъ. Лицо еще пожелтѣло, бѣлки тоже, все лежалъ отвернувшись, ничего не вѣлъ и только командовалъ:

— Сестра!.. подай пить.

Когда намъ велѣли двинуться впередъ и эвакуировали весь госпиталь, его ночью въ двѣнадцать часовъ, послѣднимъ накануне отъѣзда, перевязали. Весь бокъ черный,—пошло дальше и на грудь... Запахъ гніенія былъ невыносимъ. Большинство сестеръ вылетѣло изъ перевязочной, одна Красовская геройски докончила дѣло... Когда залила іодомъ, то изъ гніющаго мяса ползла жирные сѣрые черви... Утромъ его одного положили на повозку для отправки. Уже не просилъ пить, молчалъ. Черные, какъ вишня, глаза въ заостренномъ лицѣ смотрѣли, не мигая, строго... Понималъ ли онъ свою ошибку или шелъ самъ на это... Богъ вѣсть, какая сложная работа происходила за эти дни въ этой замкнутой, непонятной душѣ...

* * *

6 октября. Союзная войска высадили небольшой десантъ въ Персію; союзные моряки заняли греческія суда Аверовъ, Килькисъ и Лемносъ, а лордъ Грей въ Лондонѣ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ греческимъ королевичемъ Георгомъ.

На обывательскій глазъ уже давно прошла пора совѣщаній съ греками. Слишкомъ много съ ними совѣщались, а слишкомъ мало настоящимъ образомъ поступали.

Поменьше словъ и побольше дѣла, господа союзные дипломаты.

* * *

Въ районѣ Огерянь, въ 22 верстахъ къ югу отъ Ковеля, нѣмцы атаковали съ удушливыми газами наши окопы, но были отбиты. Упорные бои идутъ на Владиміро-Волынскомъ направленіи у Коротницъ и на Львовскомъ отъ Бржезанъ. На Карпатахъ на фронтѣ Делятынъ, Мармарошъ-Сигетъ, также идутъ упорные бои. На этомъ направленіи прибыли новые германскіе полки съ французскаго фронта.

* * *

На кавказскомъ фронтѣ одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ такого событія ¹⁾.

Разъѣздъ медленно сталъ подходить къ концу ущелья, которое замыкалось огромной скалой. На нее и предстояло подняться.

Вокругъ все та же тишина, и только издалека едва доносятся глухіе орудійные выстрѣлы.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 6 октября 1916 г.

Вдругъ гдѣ-то близко затрещали винтовки; звуки неслись съ вершины скалы, на которую разъѣздъ уже началъ взбираться. Мгновеніе, и всѣ прижались къ каменистому скату.

На самомъ краю утеса показался всадникъ... Его фигура была отчетливо видна на фонѣ прояснившагося неба. Онъ задержался на секунду и вслѣдъ затѣмъ ринулся вмѣстѣ съ конемъ съ крутого отвѣса. Казаки не успѣли еще отдать себѣ ясный отчетъ во всемъ видѣнномъ, какъ въ томъ же утесѣ показалось еще нѣсколько всадниковъ. Въ нихъ казаки уже безошибочно признали курдовъ. Очевидно, они гнались за всадникомъ, бросившимся въ бездну.

Курды въ первый моментъ какъ бы растерялись, заметались по краю крутого отвѣса и, сообразивъ, въ чемъ дѣло, стали быстро опускаться на своихъ цѣпкихъ, какъ кошки, лошадакахъ въ глубину ущелья.

Тамъ, внизу, у группы чахлахъ деревьевъ, съ трудомъ можно было различить два темныхъ пятна, образовавшихся отъ труповъ всадника и коня.

Что курды направлялись именно туда, въ этомъ ни у кого изъ казаковъ не было сомнѣнія: слишкомъ знакомъ имъ ихъ неизмѣнный обычай—сначала ограбить, а затѣмъ и поглумиться надъ трупомъ.

Рѣшено было устроить курдамъ неожиданную встрѣчу и, давъ возможность спокойно спуститься съ горы, захватить ихъ.

Укрываясь за выступами и неровностями ската, разъѣздъ быстро спѣшился и залегъ за камни.

Все ближе и ближе подбирались курды. Ихъ было всего 8 человѣкъ, при чемъ одинъ изъ нихъ ѣхалъ нѣсколько впереди и, безопасно жестикулируя рукой, что-то кричалъ остальнымъ.

Едва они успѣли выѣхать на ровное мѣсто, какъ изъ-за камней раздалась дружные ружейные залпы.

Четыре всадника метнулись въ сторону и тутъ же замертво упали на землю. Другіе опрометью бросились назадъ. Пули полетѣли имъ въ догонку и сразили еще одного всадника; остальные подняли руки.

Казаки быстро скрутили ихъ и связали веревкой всѣхъ трехъ вмѣстѣ. Послѣ этого направились къ тому самому мѣсту, гдѣ лежалъ погибшій товарищъ.

Жуткое представилось зрѣлище...

Вмѣсто человѣка, на землѣ лежала безформенная масса, а рядомъ на откосѣ, мертвая лошадь, съ сильно оскаленными зу-

бами. Можно было разобрать только, что одѣтъ этотъ человекъ въ черкеску. Земля какъ бы раздалась подъ тяжестью упавшаго со страшной высоты тѣла и, взрыхленная по краямъ, напиталась просочившейся кровью; голова расплющилась и подвернулась подъ плечи, а правая рука, нѣсколько откинута въ сторону, такъ и застыла въ предсмертной судорогѣ на винтовкѣ, крѣпко сжатой грубыми пальцами.

При осмотрѣ у него нашли записную книжку, изъ которой и узнали, что принадлежитъ она приказному 2-й сотни, Н-го полка Кубанскаго казачьяго войска, Семену Подковѣ. Въ этой же книжкѣ лежалъ и секретный пакетъ съ двумя крестами на имя командира ... полка, Сибирскаго казачьяго войска. На пакетѣ помѣтка: „Отъ начальника Кубанской дивизіи“.

Пакетъ этотъ былъ немедленно отправленъ съ однимъ изъ казаковъ по назначенію, а трупъ Семена Подковы предали землѣ и завалили сверху камнями, чтобы не лежалъ онъ здѣсь открыто на потѣху курдамъ, да на съѣденіе воронью.

Перекрестились казаки, сѣли на коней и двинулись по узкой тропѣ въ дальнѣйшій путь, ведя за собой плѣнныхъ курдовъ.

Версть восемь, должно быть, проѣхали они, пока, наконецъ, показались раскинутые шатры штаба Кубанской дивизіи. Туда они и доставили плѣнныхъ, сдали оружіе съ убитыхъ курдовъ и записную книжку Подковы.

О происшедшемъ съ приказнымъ Подковой было подробно доложено начальнику дивизіи, который, какъ оказалось, лично отправилъ Подкову съ секретнымъ пакетомъ, приказавъ во что бы то ни стало и возможно скорѣе доставить его командиру Сибирскаго казачьяго полка.

Приступили къ опросу плѣнныхъ курдовъ. И вотъ что они показали:

„Верстахъ въ шести отъ вашего штаба мы увидѣли казака и погнались за нимъ. Казакъ сталъ уходить. Но курдскіе кони оказались рѣзвѣе, и мы видѣли, что ему не уйти отъ насъ. Казакъ сбросилъ съ плечъ винтовку и первый подскакавшій къ нему на семьдесятъ шаговъ курдъ получилъ мѣткую пулю въ лобъ и тотчасъ же скатился съ сѣдла на землю. Та же участь постигла и еще двухъ. Остальные продолжали погоню и уже стали, было, настигать казака. Казакъ, видя, что впереди отвѣсная пропасть, вдругъ круто повернулъ въ сторону. Но въ это время двое курдовъ помчались ему наперерѣзъ. Уйти теперь уже не было ему возможности. Это понялъ и онъ и, повернувъ

коня кругомъ, снова помчался къ пропасти. Когда же подскакалъ къ самому обрыву, то задержался, но не надолго, поднялъ коня на дыбы и вмѣстѣ съ нимъ бросился съ обрыва...

Не хотѣлъ живымъ даться въ руки, погибъ, свято выполнивъ присягу: „Всякую ввѣренную мнѣ тайность хранить буду“.

* * *

Германцы удерживаютъ 35% изъ денегъ, присылаемыхъ русскимъ плѣннымъ. У насъ штабъ Казанскаго округа приказалъ примѣнить эту мѣру къ плѣннымъ нѣмцамъ и у насъ. Давно пора примѣнить и въ другихъ округахъ.

* * *

Г. Ренниковъ при поѣздѣ строящейся Мурманской ж. д. описываетъ такъ работу экскаватора ¹⁾:

Горятъ вокругъ экскаваторовъ яркіе костры, бросая вверхъ искры, точно огненное дерево растеть и дрожить золотыми осенними листьями. И среди костровъ стоитъ американецъ-великанъ Magion, тяжело дышитъ, рычитъ, воетъ. Вытягивая внизъ желѣзную пасть, онъ впивается въ землю зубами, отрывая глыбы ея, и торжествующе поднимаетъ голову, наполнивъ ротъ добычею. Затѣмъ поворачиваетъ медленно шею, застыиваетъ надъ стоящей внизу платформой и открываетъ нижнюю челюсть. Съ грохотомъ падаетъ на платформу песокъ, а освобожденная отъ ноши гигантская пасть точно съ радостью щелкаетъ челюстью, стряхивая остатки песка, и возвращается опять назадъ. Все здѣсь—вытягиваніе шеи съ зубчатымъ надрѣзомъ, зубы надъ челюстью, тяжелыя лапы, которыми экскаваторъ упирается въ землю помимо колесъ,—все напоминаетъ какое-то страшное чудовище, котораго нѣтъ въ природѣ, но которое могло существовать когда-то въ неясныя далекія времена. Все въ немъ есть, кромѣ души; но съ душой уже заключенъ соответственный контрактъ. Это—механикъ, сидящій внутри и управляющій работой машины. Душа тоже пріѣхала изъ Америки вмѣстѣ съ экскаваторомъ и пріѣхала на очень недурныя условія—по 25 рублей за сутки; говорятъ, однако, что одухотворяетъ она экскаваторъ отлично. Со стороны кажется, будто легко чудовищу глотать землю и передавать ее на сторону. Но по отзывамъ знатоковъ сдѣлать Magion'a умнымъ животнымъ не такая простая задача. Чтобы дѣйствительно стать душой машины, необходимо самому чуть ли не быть виртуозомъ. Достаточно только гдѣ-нибудь перекрутить или недокрутить, и пасть дѣлаетъ глубокое движеніе: то экскаваторъ обращается въ обжорливаго звѣря, не могущаго вытащить собственной морды

¹⁾ „Нов. Время“ 6 окт. 1916 г.

изъ пищи, то проявляетъ отсутствіе аппетита и отворачиваетъ въ сторону физиономію, какъ капризный отъѣвшійся бульдогъ.

Есть тутъ кромѣ американца и другой экскаваторъ, нашъ, путилевскій. Онъ по размѣрамъ еще больше, чѣмъ Magion, и работаетъ также хорошо; но при мнѣ онъ не приводился въ дѣйствіе. Какая польза отъ этихъ чудовищъ, видно изъ того, что каждый „укусъ“ земли экскаваторомъ даетъ четверть куба земли, а при работѣ пасти большого формата и вдвое больше: полъ-кубической сажени. Въ общемъ работа одного экскаватора замѣняетъ ежедневную работу 500 землекоповъ.

* * *

7—9 октября. Нѣмцы уже начали наборъ поляковъ въ Петроковской губерніи въ свои войска. Передаютъ, что сначала будетъ пополняться польскій корпусъ Пильсудскаго, который предлагалъ собрать съ Польши для нѣмцевъ 700.000.

* * *

Въ районѣ Кнапина, Куропатникова и Дорна Ватры идутъ упорные бои. Атаки непріятеля въ Добруджѣ отбиты съ большими потерями для противника.

* * *

Г. Пиленко въ „Новомъ Времени“ талантливо описываетъ свое пребываніе на эскадренномъ миноносцѣ черноморскаго флота: отнюдь не всѣ миноносцы такого типа, чтобы они могли уйти напрямѣръ отъ „Бреслау“. Этимъ суденышкамъ, значитъ, всегда грозитъ вѣрная гибель: дѣло случая... Встрѣтятъ или не встрѣтятъ... Но чѣмъ меньше и безпомощнѣе судно, тѣмъ болѣе лихо держать себя команды и офицеры. Привычка...

— Мы ни отъ кого въ морѣ не уходимъ, а всѣхъ атакуемъ,— съ гордостью говорилъ одинъ бравый командиръ...

Онъ забывалъ прибавить, что старенькая машина и не позволяетъ ему уйти отъ какого бы то ни было современнаго судна.

Команда держитъ себя соотвѣтственно.

— Легъ я спать послѣ вахты,—разсказывалъ мнѣ знакомый лейтенантъ,—я велѣлъ разбудить себя въ восемь часовъ утра. Знаете, какими словами исполнилъ это порученіе мой вѣстовой? „Ваше Высокоблагородіе, извольте вставать; такъ что во-первыхъ,—во-первыхъ безъ десяти восемь, а во-вторыхъ, намъ въ корму двѣ мины идутъ“.

* * *

Мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ ознакомился съ миноносцемъ и его личнымъ составомъ. „Теперь мирные масштабы надо бросить“.

— Стояли мы на рейдѣ. Я тогда командовалъ другимъ миноносцемъ: и поменьше, и угольнымъ, а не нефтянымъ. Хорошо сижу въ каютѣ. Приходитъ вѣстовой. „Ваше Высокоблагородіе... пріѣхалъ капитанъ второго ранга... желаетъ васъ видѣть“. Выхожу наверхъ. Дѣйствительно. Стоитъ капитанъ второго ранга. Здоровается. Молчитъ. „Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?“ — „Какъ чѣмъ?“ „Я пріѣхалъ принимать миноносецъ“. — „Какой миноносецъ?“ — „Да вотъ вашъ“. — „Страшно. А позвольте спросить: я-то куда дѣнусь?“ — „Вы назначены командиромъ миноносца „...ный“...“ — „Удивительно, что я еще ничего не знаю; приказы сюда не пришла“. Ну, слово за слово, сговорились. „Отчетность, моль, и денежныя суммы сдамъ вамъ сегодня вечеромъ“. Поѣхалъ я сюда на новый мой миноносецъ. Вижу, вотъ старшій офицеръ—знакомый; прежде съ нимъ плавали. А остальные—молодежь, никого не знаю.

Онъ скинулъ пепель съ папиросы.

— Ну вотъ, и надо же такую удачу... Только я на миноносецъ—начальникъ дивизиона поднимаетъ сигналъ выходить въ море черезъ четыре часа. Миноносецъ-то на N футовъ длиннѣе моего прежняго; циркуляція совсѣмъ другая, ходъ въ полтора раза больше. Тьфу!.. думаю: что же, офицеры не выдадутъ... Машина налаженная, должна работать безъ отказа.. Хорошо. Вышли въ море. Одно меня утѣшало: случайно оказалось, что идти мнѣ въ парѣ съ Васей (онъ кивнулъ головой на товарища). Я съ нимъ и на угольномъ дивизионѣ плавалъ вмѣстѣ. Офицеръ умѣлый, не подведетъ. Правда, Вася?

— ...И вотъ началась страда. Такіе три денька выдались, что, право, точно нарочно. Слушайте: первый день!.. Первый день: встрѣчаемъ лайбенку. Мало ихъ теперь осталось... Такъ себѣ, дрянъ лайбенка. „Какой грузъ?“ „Керосинъ“. „А, керосинъ... Хорошо... Снять команду“.

— И паруса,—вмѣшался въ разговоръ Василій Ивановичъ.

— Паруса, конечно: не пропадать же имъ. У насъ всѣ брезенты надъ палубой турецкіе. Прочные... Прекрасные.

— А въ это время,—прервалъ его командиръ,—дозорный кричитъ: „Дрючекъ, по правому борту!“ Перископъ, значитъ. Разворачиваюсь направо, какъ полагается,—прямо на подводку. Вдругъ смотрю: батюшки! да это, дѣйствительно только дрючекъ, а не перископъ!..

И одновременно кричатъ: „Темный предметъ налѣво!“ „Подводка, направо!“ Фью!.. Понимаете, это я попался въ засаду: двѣ подводки на позиціи оказались. „Мины“!.. Одна изъ подво-

докъ выпустила двѣ мины прямо мнѣ подъ носъ. „Стопъ!.. Полный ходъ назадъ!“ Бороздятъ мины море быстро: вотъ, вотъ, ударятъ... Однако прошли подъ носомъ удачно... „Мины сзади!“ Надо же такую удачу!.. Они, значить, выпустили: двѣ немного впереди, а двѣ назадъ. Я какъ стоялъ у машиннаго телеграфа, такъ сразу и кинулъ обѣ ручки на „самый полный впередъ“. Телеграфъ въ машину—электрическій, ходитъ совсѣмъ легко... На томъ, на угольномъ миноносцѣ—телеграфъ былъ у меня съ цѣпной передачей. Тянешь—такое впечатлѣніе, точно все судно въ рукѣ... А здѣсь однимъ пальцемъ трахъ!.. Думаю, невозможно намъ выскочить... да и для машины это ужасно. Все ровно: погибать!.. Ну, спасибо инженеръ-механику... сразу перекинулъ на другія турбины... Это надо было видѣть... Какъ конь, миноносецъ сразу прыгнулъ. Ей-Богу! Просто—вынесло насъ впередъ... какъ мамочку!.. Завернуло... Хотя у нихъ и сорокъ узла ходу, однако, пронесло... Прошли еще двѣ бѣлыя струи... Пріятное ощущеніе. Девяносто шесть тысячъ рублей въ двѣ минуты истратили турки даромъ.

— А еще гидро было...

— Постой, Вася, не перебивай... все по порядку. Надо же такое совпаденіе. Съ бака слышу голосъ: „ерепланъ!“—„Гдѣ? Какъ?“ Посмотрѣлъ вверхъ: прямо у меня на клотикѣ виситъ. Охъ ты, Боже мой!.. Я вправо, онъ вправо. Я влево—онъ, какъ привязанный...

— Да вѣдь у него ходъ больше вашего?

— Положимъ, что больше... Но онъ ныряетъ: вверхъ, внизъ, вверхъ, внизъ... Кроме того, наше виляніе помогаетъ. Вотъ онъ приблизительно и уравниваетъ свой ходъ по нашему. Долго онъ насъ томилъ... Ни разу такъ долго не приходилось ждать... По совѣсти вамъ скажу: за эти двадцать минутъ въ точности я узналъ, каково настроеніе куропатки подъ ружьемъ! Просто, вытерпѣть невозможно; такъ и хочется закричать: „Кидай!.. да, кидай же, проклятый!“ Смотришь на него, какъ дуракъ, это, вѣдь, извѣстная штука—всѣ подтвердятъ,—что когда находишься подъ непріятельскимъ аэропланомъ, то имѣешь твердое убѣжденіе: слѣдующая бомба—обязательно тебѣ въ правый глазъ... Наконецъ, бацъ!.. восемь бомбъ! И всѣ мимо!

— Букетъ,—сказалъ Василій Ивановичъ.

— Это—что-то особенное!..

— Слушайте,—сказалъ командиръ,—второй день. Началось опять съ лайбы. Эту мы сожгли. Понимаете, не могу сказать, гдѣ это было... Такое мѣсто пріятное, надо было дыму туркамъ

пустить... „На-те, молъ, вамъ, такіе, сякіе“... Хорошо. Команду сняли...

— Паруса,—настойчиво сказалъ Василій Ивановичъ.

— Паруса, конечно.

— А гротъ ты не снялъ... поторопился... Гротъ потомъ горѣлъ...

— Гротъ, Вася, былъ рваный...

— Хорошо... Зажгли мы керосинъ. Запылала лайба, какъ пять „Гебеновъ“, хвостами связанныхъ. А я еще говорилъ: „Теперь ждите Мустафу“. Это былъ тамъ летчикъ, его такъ наши подводки окрестили. Дѣйствительно, не прошло и полчаса,—Мустафа, тутъ, какъ тутъ. Привязался, однако, не ко мнѣ, а къ Васѣ, такъ что я могъ спокойно наблюдать.

— Да, признаться...

... Мы фотографію снимали, больше дѣлать было нечего... Вася, какъ ты отъ него спасался?

— Очень просто... Онъ меня не долго мучилъ, всего какія-нибудь три минуты. Не успѣлъ я оглянуться: вкось шпарить, на-перерѣзъ моему курсу и швыряетъ бомбы... Двѣ! двѣ! двѣ! двѣ!.. Значитъ, первая пара на правомъ траверсѣ,—еще двѣ, но гораздо ближе... Третья пара должна попасть въ самое судно. Я команду: „Право, на борты!..“ Завернули штурвалъ до отказа... Миноносецъ накренился градусовъ на пятнадцать. Рулевой старшина даже испугался, началъ отпускать. Но я къ нему... руку на штурвалъ: „такъ держать!“ Накренились мы и прошли. Идея очень простая: тамъ, гдѣ бомбы уже упали, слѣдующихъ не будетъ. И дѣйствительно: третья и четвертая пары оказались уже за лѣвымъ бортомъ. Вотъ и все...

* * *

— ... Интересно.

— Подождите. Третій день! Такъ ужъ намъ въ этотъ разъ везло. Поднимаютъ на „... тѣ“ сигналъ изъ трехъ флаговъ. „Подводка“. Опять! Впрочемъ, что жъ тутъ удивительнаго: самыя условія работы таковы, что приходится подставлять бока. Мнѣ, скажемъ, дается задача: ходить вокругъ вотъ этой корки хлѣба и слѣдить... Ну, ходимъ и ходимъ. Муха не пролетитъ. А подводка легко меня выслѣдитъ при такихъ условіяхъ. Я вѣдь, какъ привязанный, мотаюсь... Хорошо!.. Разобрали мы сигналъ и ждемъ... Утро раннее, красота!.. Эхъ, какъ эта красота иногда портитъ настроеніе!.. Ждемъ... Вдругъ... „Вправо дрючекъ“. Повернули прямо на него. Какъ вамъ сказать: управляюсь я не слишкомъ артистически, но и не очень плохо: среднее... Въ

самый перископъ не угодилъ, а оказался онъ у меня футовъ на девять вправо. На полномъ вѣдъ ходу... Почему лодка не погрузалась,—не знаю. Зазѣвались, или что-нибудь случилось. Только перископъ пошелъ, значить, вдоль моего борта. Ей Богу!.. И все ближе и ближе, совсѣмъ рядомъ. Что тутъ было!.. Господи, что тутъ было!.. Команда прямо въ ражъ пришла. Боцманъ схватилъ кошку; бѣжить, старается зацѣпить... Матросы похватили палки отъ брашпиля, швыряютъ, сбить хотятъ. Гдѣ тутъ!... Толстый вѣдъ онъ, большой!... а у меня, значить, никакого оружія на такомъ разстояніи... Ни орудіемъ не выстрѣлишь, ни пулеметомъ.

* * *

— Такъ вотъ я и познакомился съ господами офицерами. Въ мирное-то время полгода надо, а тутъ—въ три дня. Въ мирное время маску можно носить. А когда двѣ подводки сразу—такъ маска-то спадетъ...

— Да...

* * *

По подсчету харбинскихъ газетъ, по 15 іюля черезъ Владивостокскій портъ прошло въ Россію 28 милліоновъ паръ американской партикулярной обуви по назначенію въ Москву, Петроградъ, Одессу и другіе города.

Этого количества обуви достаточно, чтобы обути все городское населеніе Россіи, рѣшительно все отъ мала до велика.

Гдѣ же обувь, однако?

* * *

ХАБАРОВСКЪ ¹⁾). Состоялось торжественное открытіе желѣзнодорожнаго моста имени Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича черезъ Амуръ, на Великомъ Сибирскомъ пути.

Мостъ черезъ Амуръ является первымъ въ Россіи по величинѣ. Длина его 1.217 сажень. Стоимость сооруженія—13.500.000 рублей.

На освященіи присутствовали: товарищъ министра путей сообщенія Н. Л. Щукинъ, пріамурскій генераль-губернаторъ П. Л. Гондатти и другіе высшіе представители края.

Отнынѣ начнется сквозное движеніе Владивостокъ—Петроградъ по російской территоріи, минуя Манчжурію.

* * *

¹⁾ „Рус. Сл.“ 7 окт.

Лучшіе люди Россія ушли на фронтъ; за то тыль кишить милліонами негодяевъ, мародеровъ грабителей и заячьихъ душъ. Подлые грабители соединяются въ акціонерныя товарищества, синдикаты, которые во всемъ страшно поднимаютъ цѣны. Банки даютъ ссуды подъ продовольственные запасы и тоже участвуютъ въ грабительскихъ предпріятіяхъ. Вагоновъ подъ перевозку припасовъ нѣтъ, гдѣ ихъ надо. Изъ одной губерніи не пропускаютъ припасовъ въ другую, указывая, что этого не разрѣшаетъ интенданство. Нѣтъ никакого общаго продовольственнаго плана тыла. Больно слушать всѣ эти извѣстія, когда всѣ припасы есть въ Россіи, въ житницѣ всего міра. Господа создатели прогрессивнаго блока Думы съѣзжаются въ Петроградъ, говорятъ, говорятъ и говорятъ. Лѣвые собираются дѣлать политическіе запросы.

* * *

Въ Добруджѣ нѣмцы опять начали наступленіе.

* * *

Газеты сообщаютъ, что отношенія между Греціей и союзниками нѣсколько улучшились вслѣдствіе объясненій, данныхъ королемъ Константиномъ англійскому посланнику.

Совершенно нелѣпое сообщеніе. Можетъ ли быть какое улучшеніе отношеній между державами согласія и рабомъ кайзера Константиномъ. Удивительно глупую роль играетъ дипломатія согласія относительно Греціи. Ее постоянно водятъ за носъ приспѣшники кайзера.

* * *

Г. Пяленко въ „Новомъ Времени“¹⁾ указываетъ на особое значеніе чистоты воздуха въ подводныхъ лодкахъ.

Оказывается, что главнымъ врагомъ подводныхъ экипажей является вовсе не углекислота; на нее не обращаютъ даже вниманія.

— Мы больше всего страдаемъ отъ влажности воздуха, доходящей до ста процентовъ, и отъ собственныхъ испареній. Практика показала, что человекъ, въ особенности производящій сильную мускульную работу, даетъ въ окружающій воздухъ какія-то совершенно неизслѣдованныя наукой и никакой химіи не поддающіяся органическія выдѣленія. Уничтожить эти страшно ядовитые газы можно только провѣтриваніемъ, ничѣмъ другимъ.

— И скоро они начинаютъ чувствоваться?

— По совѣсти скажу, эта область еще остается совершенной загадкой. Мы только можемъ констатировать внѣшнія явленія: сначала люди страшно потѣютъ, обливаются; позже, потъ оста-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 9 окт. 1916 г.

навливается, но человекъ и это терпять безъ особаго ущерба для себя, такъ, приблизительно 12 часовъ; но потомъ есть какой-то критическій моментъ; прибавьте еще два часа—начинаются признаки явнаго отравленія; явленія въ печени, остановка мочи, даже отеки ногъ; дышать становится тяжело, точно все время лѣзешь на крутую гору; малѣйшее движеніе даетъ шумъ въ ушахъ. Тутъ уже волей-неволей, надо подниматься.

* * *

10 октября. Въ Добруджѣ наши и румынскія войска, подъ натискомъ противника, нѣсколько отошли назадъ.

* * *

Теперь въ деревняхъ крестьяне богаты деньгами, а потому совершенно не вывозятъ хлѣба нынѣшняго урожая на базары. Они это дѣлаютъ потому, что берегутъ хлѣбъ на черный день, опасаясь недорода въ 1917 году.

* * *

Америка хочетъ снабжать Россію обувью изъ алюминія, съ доставкой по 8 руб. пара ¹⁾).

* * *

Корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ ²⁾, рассказывая о томъ, что мѣстность въ Лѣсистыхъ Карпатахъ страдаетъ отсутствіемъ жилыхъ помѣщеній, приводитъ такой рассказъ:

Недавно я слышалъ, какъ одинъ солдатикъ, посланный на развѣдку для отысканія какого-либо жилья для полкового штаба, возлѣ указанной высоты, докладывалъ начальнику:

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, никакъ невозможно... Климата тамъ вовсе нѣтъ, а одна только мѣстность.

* * *

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ ³⁾ приводитъ письмо англійскаго офицера съ описаніемъ катастрофы въ Сѣверномъ морѣ:

„Вечеромъ въ пятницу, 18-го мая,—пишетъ молодой морякъ своей матушкѣ,—мы вышли въ море вмѣстѣ съ остальнымъ флотомъ, и въ шесть часовъ утра на слѣдующій день нашъ крейсеръ вмѣстѣ съ другимъ находился на развѣдкѣ, держась на нѣсколько миль впереди остального флота. Я былъ у себя въ каютѣ и спалъ на койкѣ, какъ вдругъ меня разбудили и едва

¹⁾ „Нов. Вр.“ 10 окт. 1916 г.

²⁾ „Бирж. Вѣд.“ № 15850 1916 г.

³⁾ „Рус. Сл.“ № 231 1916 г.

не сбросили съ койки два непосредственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ ужасныхъ взрыва. Машины сразу остановились, и электричество въ лампочкахъ потухло. Я наскоро одѣлся и, схвативъ электрической фонарь, бросился въ машинное отдѣленіе. Тамъ было темно, но люди были все на своихъ мѣстахъ.

Такъ какъ вода заливала уже нижнюю палубу, а помпы безъ пара не могли работать, то я приказалъ людямъ выбираться изъ машиннаго отдѣленія, а самъ отправился съ рапортомъ къ командиру. Наверху кипѣла работа: вся команда была занята спускомъ на воду шлюпокъ (у насъ ихъ было только четыре), плотовъ и выбрасываніемъ за бортъ деревянныхъ брусевъ и досокъ. Нашъ корабль, между тѣмъ, началъ уже мало-по-малу погружаться носовой частью. Я сбѣжалъ къ себѣ въ каюту, надѣлъ спасательный поясъ, захватилъ свои часы, свои любимыя золотыя запонки, присланныя вами, милая матушка (кстати: я еще забылъ поблагодарить васъ за нихъ, но онѣ и теперь на мнѣ, когда я пишу это письмо), и пять золотыхъ браслетовъ отъ одного плимутскаго ювелира, изъ которыхъ я долженъ былъ выбрать одинъ въ подарокъ Еленѣ ко дню ея рожденія. Я очень жалѣю, что не вспомнилъ захватить съ собой подаренный вами прелестный серебряный ящичекъ для папирсовъ. Къ счастью, другой вашъ подарокъ, перстень съ печаткой, былъ у меня на рукѣ.

Едва я вернулся на палубу, какъ мы замѣтили перископъ снова приближающейся къ намъ подводной лодки и тотчасъ открыли по ней огонь изъ нашихъ шестидюймовыхъ орудій. Германецъ отвѣтилъ намъ на это третьей торпедой, ударъ которой пришелся какъ-разъ въ одну изъ угольныхъ камеръ на носу. Вслѣдъ за взрывомъ ея надъ носовой частью корабля взметнулся огромный столбъ воды, увлекшей съ собою куски угля и всякіе обломки. Обрушившись, этотъ смерчъ задѣлъ одну изъ нашихъ четырехъ лодокъ, но, къ счастью, никого не убило и даже не ранило. Корабль началъ погружаться быстрее, а потому, по приказанію командира, мы все собрались на бакъ и оттуда попрыгали за бортъ. Я отплылъ подальше отъ тонущаго корабля и тутъ, чтобы легче держаться на водѣ, ухватился за плававшій подлѣ меня, деревянный брусъ. Вокругъ меня на водѣ было еще нѣсколько десятковъ человекъ, въ свою очередь, цѣплявшихся за какіе-нибудь обломки. Такъ какъ сопровождавшій насъ крейсеръ вынужденъ былъ уходить отъ подводной лодки, то въ виду не было ни одного судна, которое могло бы оказать намъ помощь. Вода была не слишкомъ холодна, но расходящаяся зыбь то-и-дѣло захлестывала насъ мусоромъ и

грязью, а нефть съ корабля, толстымъ слоемъ широко расплывшаяся по поверхности воды, разумѣется, не дѣлала нашего положенія болѣе пріятнымъ. Перекатываясь мнѣ черезъ голову, волны заставляли меня захлебываться отвратительной на вкусъ смѣсью соленой воды съ нефтью. Черезъ три четверти часа я уже выбивался изъ силъ и былъ готовъ пойти ко дну, но всякій разъ, какъ я уже начиналъ погружаться, Сѣверное море казалось мнѣ столь отвратительнымъ на вкусъ, что я изъ послѣднихъ силъ барахтался, чтобы вынырнуть. Какъ-разъ въ это время показались два миноносца, направлявшіеся къ намъ на всѣхъ парахъ. Приблизившись къ намъ, они быстро спустили шлюпки, и одна изъ нихъ,—это былъ китоловный вельботъ,—подобрала меня вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ нашихъ матросовъ. Въ шлюпкѣ мнѣ сразу стало страшно холодно,—гораздо холоднѣе, чѣмъ въ водѣ. Мы уже подходили вдоль борта къ одному изъ миноносцевъ, какъ вдругъ замѣтили несущуюся прямо на него по поверхности воды торпеду. Мы начали кричать миноносцу: „Берегись мины!“. Онъ полнымъ ходомъ бросился въ сторону, и торпеда прошла мимо, а мы всѣ неистово кричали „ура“. Вторая торпеда, слѣдовавшая сейчасъ же за первой, прошла уже далеко отъ миноносца. Въ другой миноносецъ также была выпущена торпеда, и онъ принужденъ былъ отойти. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нашихъ, державшихся на водѣ, видя, что миноносцы какъ бы уходятъ, пришли въ отчаяніе, и даже тѣ, на комъ были спасательные пояса, поднявши руки вверхъ, пошли ко дну.

Между тѣмъ, миноносцы, описавъ кругъ, вернулись назадъ и живо подобрали всѣхъ насъ. Къ великой моей радости, тотъ миноносецъ, на который я попалъ, подобралъ еще восемь моихъ товарищей офицеровъ. Намъ сейчасъ же дали сухое чистое бѣлье, а также водки и горячаго какао, чтобы согрѣться. Офицеры миноносца приняли насъ какъ нельзя болѣе радушно и угощали всѣмъ, что только у нихъ было.

* * *

11—12 октября. Вмѣсто Б. В. Штюрмера предсѣдателемъ Совѣта Министровъ назначенъ А. Ф. Треповъ. Вечерняя Биржевая сообщаетъ, что новый предсѣдатель Совѣта Министровъ былъ съ визитомъ у предсѣдателя Государственной Думы. Знакъ добрый, пора бы давно чинамъ кабинета работать совмѣстно съ представителями народа на благо родины, на пораженіе врага, забывъ всѣ личные счеты.

* * *

Какіе аховые господа Константиновцы, свидѣтельствуеть извѣстный разсказъ съ „Чернильницей“ Раллиса ¹⁾.

Г. Раллисъ былъ тогда премьеромъ. Въ Аѣны пріѣхалъ видный представитель англійскаго правительства по дѣлу государственной финансовой операціи. По окончаніи своей миссіи англичанинъ былъ принятъ королемъ, который ему между прочимъ подарилъ часы со своимъ вензелемъ изъ брилліантовъ. Въ день отъѣзда англичанина изъ Аѣинъ премьеръ Раллисъ далъ въ его честь обѣдъ. За обѣдомъ заговорели о часахъ короля и гости министры, и выдающіеся аѣинскіе политическіе дѣятели выразили желаніе посмотрѣть часы. Англичанинъ вынулъ ихъ, и часы пошли по рукамъ гостей. Разговоръ продолжался, обѣдъ подходилъ къ концу, но часы къ собственнику не вернулись. Англичанину надо было спѣшить на поѣздъ, и онъ обратился къ хозяину съ просьбой найти часы и прислать ему до отхода поѣзда. Сконфуженный Раллисъ, какъ только англичанинъ уѣхалъ къ себѣ въ гостиницу, набросился на своихъ гостей, указывая имъ на неловкость и позоръ происшедшаго и умолялъ своихъ гостей спасти его и свою честь. Для большаго удобства Раллисъ предложилъ потушить электричество, чтобы тому, кто случайно забылъ въ своемъ карманѣ часы, удобнѣе было ихъ положить на письменный столъ въ кабинетъ хозяина, куда всѣ и перешли. Огонь былъ потушенъ. Черезъ нѣсколько минутъ Раллисъ устремился съ волненіемъ къ своему письменному столу. Но увы! не только онъ на немъ часовъ не нашель, но съ него исчезла его художественной работы чернильница!

* * *

Дни непріятныхъ извѣстій, отъ которыхъ уже отвыкли. На Добруджинскомъ фронтѣ отступаютъ, и непріятель овладѣлъ Констанціей, Раегово и Черноводомъ. Къ Макензену отовсюду свезены подкрѣпленія, а генераль Саррайль, прикрѣпленный крѣпко Константиновскими якорями, наступаетъ крайне медленно. Крайне удивительно, какъ дипломатія согласія выковыываетъ эти якоря, своими странными разговорами съ кайзерскимъ холопомъ и его присными.

Румынскія войска въ Трансильваніи у Придаэлу, Кипмолунга въ долину Жіуля отошли назадъ; за то къ югу отъ Дорна-Ватры нашими передовыми частями противникъ сбитъ съ ряда высотъ.

* * *

¹⁾ „Веч. Вр.“ 11 октяб. 1916 г.

Докторъ Констансовъ сдѣлалъ сообщеніе въ Θεодосіа объ открытіи имъ сыворотки для леченія при отравленіи рыбнымъ ядомъ ¹⁾.

* * *

Извѣстный насадитель германскаго засилья въ Россіи С. Ю. Витте очень поощрялъ развитіе нашихъ частныхъ коммерческихъ банковъ, являвшихся зачастую просто филиальными отдѣленіями Deutscher Bank'a и неизмѣнно исполнявшихъ его велѣнія. То же идетъ и теперь. Приказано давать деньги подъ припасы. Выдерживать припасы для возвышенія цѣнъ и тѣмъ вносить страшную разруху въ дѣло довольствія въ Россіи. Это было въ точности исполнено, и въ дѣлѣ вакханаліи цѣнъ нѣкоторые банки оказали цѣнную услугу Германіи. Таково мнѣніе знатоковъ этого дѣла.

* * *

В. М. Дорошевичъ въ „Русскомъ Словѣ“ ²⁾ передаетъ такой интересный разсказъ:

Мы проѣхали Окну.

Страшную, разрушенную Окну.

Гдѣ былъ нашъ весенній прорывъ.

Медленно поднялись на горку. Галиційскія бабы въ бѣлоснѣжныхъ рубахахъ и яркихъ, горящихъ на солнцѣ платкахъ еще задѣлываютъ шоссе, разрытое снарядами.

Миновали станцію...

Какое-то каменное кружево!

Которое, Богъ его знаетъ, какъ держится, стоитъ и не падаетъ.

Пошли кукурузныя поля съ могилами среди кукурузы.

Видимъ,—какая-то баба съ котомкой у дороги машетъ руками и что-то кричитъ.

Можетъ-быть, нуждается въ помощи?

Я приказалъ шоферу остановиться.

Баба, запыхавшись, задыхаясь, бѣжала къ намъ со всѣхъ ногъ.

— Милые, будьте милые. Подсадите меня. Ой, ноженьки мои меня не носятъ! Подсадите. Заплачу я вамъ, что слѣдуетъ!

— Да тебѣ куда?

— А до Садогори я, аль до Садагура, аль до Задагуры. Не знаю, какъ по-ихнему прозывается. Одинъ такъ говоритъ, дру-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 11 окт. 1916 г.

²⁾ „Рус. Сл.“ № 233, 1916 г.

гой этакъ. Подсадите, будьте милые! Ноженекъ я подъ собой не чую. Ой, не чую!

— Да гдѣ это, Садогура-то твоя?

— А въ той сторонѣ. Подъ Черновицами какими-то, не подъ Черновцами. Какъ ихъ тамъ зовутъ!

— Такъ это, матушка, еще версть съ восемьдесятъ!

— Ой, милые, что жъ я дѣлать-то буду? Какъ дойду?

— Мы какъ-разъ въ Черновицы ѣдемъ.

— Ой, моя милые! Ой, посадите! Заплачу сколько слѣдуетъ!

— Ладно ужъ съ твоей платой! Садись!

— Ой, милые! Вотъ такъ милые!

Баба въ одинъ мигъ положила свою котомку и усѣлась между мной и шофферомъ, намъ на колѣни.

— Шины отъ бабъ лопаются!—замѣтилъ шофферъ,—загрузили автомобиль!

— И милые! Скрызь вамъ благополучно будетъ!

Исчезло съ лица просительное, тоскливое выраженіе. Баба утерлась и оказалась молодой, красивой женщиной, съ веселыми ясными, радостными глазами.

— Ты сама-то откуда? Здѣшняя? Русинка?

— А расейская я. Алена я. Зачѣмъ здѣшняя? Изъ-подъ Каменца мы, изъ-подъ Подольскаго.

— А теперь-то куда же идешь?

— А къ мужу я. Вотъ.

Она достала изъ-за пазухи платочекъ, изъ платочка телеграмму.

— Читайте. Неграмотна я.

Телеграмма:

— Пріѣзжай мѣстечко Садогоръ.

— Вотъ, вотъ! Садогоръ. А одинъ говоритъ: Задигура, а другой говоритъ Садогуръ, а третій—невѣдомо що. По-нашему они плохо балакаютъ. Безъ понятія! Одинъ говоритъ: вправо тебѣ, другой—влѣво тебѣ, третій—сюда иди, а еще какой—сюда, баба, ступай. Кручусь я, кручусь. Сколько версть ноженьками перемѣряла!

— Да что жъ, у тебя пропускъ есть?

— А какой пропускъ?

— Документъ, паспортъ, свидѣтельство? Вѣдь, здѣсь война, армія, завсеванная страна, чудачка ты!

— А вотъ!

Она достала изъ платочка еще бумажку.

— Батюшка даль. Прописать: Алена, изъ нашего села. Я до батюшки пошла, батюшка и даль.

— Какъ же ты, пѣшкомъ?

— А пѣшкомъ.

— Все время пѣшкомъ?

— Скрызь пѣшкомъ.

— Ты заплатить хотѣла. Что жъ, у тебя деньги есть?

— А есть.

— Сколько же у тебя денегъ?

— А два рубля.

— Съ двумя рублями и пошла?

— А я пошла. Больше не было.

— Какъ же ты такъ съ двумя рублями?

— А хать брошенныхъ много. Скрызь все брошенныя. Гдѣ хочешь,—тамъ и заночуй. А гдѣ которые жители остались,—ночевать пустятъ.

— А ѣсть-то какъ же?

— А гдѣ солдаты изъ котла покормятъ. Солдатская, молъ, я жена. Къ мужу на побывку иду. Въ пулеметчикахъ у меня мужъ, пулеметной команды. Ну, и покормятъ. А гдѣ своихъ сухарей пожую. Изъ дома взяла.

Двѣ недѣли, за границей, съ двумя рублями. пѣшкомъ.

— На долго ты къ мужу?

— А на два дня. Два дни побуду и назадъ пойду. Намъ долго нельзя. Трое дѣтей у насъ. Долго отлучаться нельзя.

За два дня свиданія такой путь!

— Давно ли ты замужемъ?

— А десять лѣтъ.

— Тебѣ-то сколько лѣтъ?

— А двадцать семь лѣтъ.

— Что жъ, стосковалась очень?

Баба разсмѣялась.

— А извѣстно, стосковалась. Два года не видѣлись. Съ самага начала онъ, какъ войну ударили. Его изъ запаса и взяли. Писалъ письмо,—пулеметчикъ онъ, пулетной команды. А больше: живъ ли, нѣтъ ли,—неизвѣстно. И вдругъ телеграммъ: „Пріѣзжай“. Неграмотная я,—плакала. Думаю: „Телеграммъ,—значить вбить“. Иду до батюшки, чтобъ прочиталъ, а сама, дура, плачу. А батюшка прочиталъ: „Пріѣзжай“.

Баба разсмѣялась радостно, сквозь веселыя слезы.

* * *

Въ то самое время, когда Германія тащитъ на поля сраженій послѣдняго турецкаго, болгарскаго и польскаго солдата, и ста-

вить въ строй возвращеннаго изъ русскаго плѣна инвалида, дипломатія согласія не сумѣла заставить японцевъ превратиться изъ нейтральной державы, снабжающей только Россію боевымъ снаряженіемъ, въ державу дѣйствительно союзную. Появленіе японскихъ корпусовъ на Балканскомъ фронтѣ оказало бы рѣшающее значеніе на ходъ войны.

Недавнія слова въ японскомъ парламентѣ барона Моното о какихъ-то *особыхъ* интересахъ Японіи на Дальнемъ Востокѣ и въ то же время доброжелательное отношеніе Америки къ державамъ согласія совершенно не совмѣщаются вмѣстѣ.

Слова нѣкоторыхъ японскихъ дѣятелей о томъ, что японцы не могутъ сражаться въ чужихъ странахъ, не выдерживаютъ никакой критики. Вѣдь русскія и англійскія войска сражались въ чужой землѣ во Франціи, а французскіе, англійскіе и русскіе полки воюютъ не на своей родинѣ, на Балканскомъ полуостровѣ.

Намъ кажется, что отказъ японцевъ отъ союзныхъ дѣйствій на поляхъ сраженій наводитъ на печальныя размышленія и грозитъ въ будущемъ очень печальными послѣдствіями.

* * *

Caveant consules.

По отзывамъ швейцарскихъ газетъ, лѣтомъ 1917 г. нѣмцы, замышляютъ наступленіе на Россію. По плану Гинденбурга наступленіе надо вести на сѣверный фронтъ. Люндендорфъ думаетъ, ■ съ нимъ соглашается кайзеръ, что надо идти въ Бессарабію ■ на Одессу.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).